

Лишних слов более не требовалось — намерения Хэ Юаня были предельно ясны.

Чэн Муюнь молча подошел и сел там, где указал ученик. Хэ Юань расположился напротив. Между ними, словно безжизненный сосуд, покоилось прежнее тело Муюня.

Хэ Юань прикрыл глаза, направляя потоки духовной энергии. В то же мгновение тяжелые цепи из черного железа на запястьях и лодыжках Чэн Муюня растаяли без следа, а его истинную душу окутало тепло хлынувшей извне силы.

Внезапно в воздухе разлился терпкий запах крови. Разомкнув веки, Муюнь увидел, как Хэ Юань полоснул мечом по собственной ладони. Багряные капли сорвались вниз, впитываясь в узоры магического массива.

Чэн Муюнь нахмурился, собираясь что-то сказать, но Хэ Юань опередил его:

— Массив активирован. Не отвлекайтесь.

С этими словами он поднялся и сел позади наставника. Муюнь почувствовал, как горячие ладони прижались к его спине, и знакомое божественное сознание коснулось его разума.

— Хэ Юань!

Муюнь невольно вздрогнул, пытаясь отстраниться. Вторжение чужого сознания в Пурпурную обитель было актом запредельной близости и опасности. На такое решались лишь даосские спутники во время двойной культивации, когда души полностью открывались друг другу. Граница была нарушена.

Словно почувствовав его сопротивление, Хэ Юань прошептал прямо на ухо:

— Наставник... впустите меня.

«Система, — мысленно позвал Муюнь, — мне кажется, или он со мной заигрывает?»

[Боюсь, он предельно серьезен]

Обстоятельства были сильнее: сейчас Чэн Муюнь не имел ни малейшей возможности сопротивляться. Он промолчал, позволяя сознанию Хэ Юаня беспрепятственно скользить вглубь своей Пурпурной обители.

Сложные знаки массива под их ногами один за другим вспыхивали ярким светом. Кровь Хэ Юаня служила проводником, сплавляя их дыхания и ауры в единое целое. Истинная душа ученика бережно обвилась вокруг души Чэн Муюня, мягко направляя её и помогая покинуть тело Юй Цзюня. Благодаря поддержке мастера стадии Преодоления Испытаний, Муюнь смог совершить этот переход без малейшего вреда для себя.

В тот миг, когда он окончательно расстался с оболочкой Юй Цзюня, Муюнь мелко задрожал от пронзительного холода. Но почти сразу невидимая сила подтолкнула его, увлекая в самый центр магического круга.

Едва душа коснулась родного тела, его захлестнула волна боли. Каждая клеточка отозвалась ледяным оцепенением — точно таким же, какое он испытал, только прибыв в этот мир. Чэн Муюнь не мог пошевелиться, даже его сознание, казалось, окоченело.

Но внезапно от самого даньтяня начало разливаться живительное тепло. Он слегка шевельнул пальцами, чувствуя, как власть над телом возвращается.

Муюнь негромко кашлянул и открыл глаза. Ему было очень тепло: Хэ Юань крепко прижимал его к себе, не выпуская из объятий. Как только чувства восстановились, Чэн Муюнь сразу понял — с его телом что-то не так. Духовные каналы были идеально чисты, энергия беспрепятственно циркулировала в каждой частице плоти.

— Что это?

Хэ Юань склонился над ним, жадно вглядываясь в лицо — от кончиков волос до изгиба бровей, от сияющих глаз до линии губ. Лишь когда Муюнь недовольно нахмурился, он произнес:

— Наставник, часть меня теперь навсегда в вашем теле. Это... прекрасно.

Конечно. Демоноподавляющая Кость Дао Хэ Юаня всё еще была внутри него. Используя кровь для активации массива, безумец лишь крепче вплавил её в плоть Муюня.

Чэн Муюнь и представить не мог, что его ученик пойдет так далеко в своем безумии. Когда-то он выбрал самопожертвование, надеясь вернуть кость Дао законному владельцу — ведь она была прочнее любого сокровища в этом мире.

В свое время демонические практики пытались уничтожить кость Дао Чэн Муюня, наложив проклятие, когда он еще был в утробе матери; яду потребовались десятилетия, чтобы исполнить свое предназначение. Многие демонические заклинатели охотились на даосов с особыми костями Дао, вырывая их для создания уникальных магических сокровищ. Но Демоноподавляющая Кость Дао была иной: любой последователь темного пути, едва коснувшись её, начинал терять свои силы, а потому не существовало риска, что её заберут и переплавят в артефакт.

«Система, мне начинает становиться не по себе от этого маленького психопата. Он настолько обезумел, что отдал собственную кость Дао и оставил её в моем теле»

[Ох-хо...]

подавив бурю чувств, Муюнь холодно спросил:

— Почему ты не забрал её обратно?

Хэ Юань протянул руку, бережно поправляя выбившуюся прядь у виска наставника:

— Я не хочу видеть, как вы кашляете кровью и теряете сознание. Не хочу видеть, как вы истязаете себя... так, как это было на записях в жемчужине.

Чэн Муюнь замер. Его захлестнуло чувство жгучего стыда — Хэ Юань действительно видел все те глупости, что он творил в прошлом.

— Во всём виноват только я... — в его голосе прозвучала странная смесь боли и восторга.

В следующее мгновение он склонился и яростно впился в губы Муюня.

— М-м-м!

Муюнь попытался оттолкнуть его, но тело едва начало слушаться, и его слабые движения скорее походили на ласковое прикосновение, чем на сопротивление.

Хэ Юань усилил напор, его язык проник глубже. В глазах Чэн Муюня потемнело, во рту разлился металлический привкус крови, а сознание начало путаться от нехватки воздуха. Именно в этот момент он обхватил шею Хэ Юаня, слегка приподнимаясь, и коснулся пальцами свисающей с эфеса меча подвески.

Хэ Юань, заметив этот жест, на миг замер, в его глазах вспыхнула робкая надежда на взаимность... и тут же его язык обожгло резкой болью. Сознание ученика, подхваченное мощным вихрем, рухнуло в бездну ослепительной иллюзии.

Чэн Муюнь резко сел на постели и жадно прильнул к чашке с водой, стоявшей у изголовья. Ощущение того неистового поцелуя всё еще жгло губы. Его пальцы мелко дрожали, и только после еще одного глотка ледяной воды он смог окончательно прийти в себя.

[Где мы?]

«В иллюзорном массиве», — ответил Муюнь.

Система была потрясена:

[Так ты не просто поддался его напору, а специально заманил его в ловушку, ответив на поцелуй? А как же твои принципы насчет отношений учителя и ученика? Ты пал в моих глазах!]

«Хватит нести чепуху, — Муюнь закатил глаза. — Это был единственный выход. Изначально я планировал ударить его ножом, чтобы использовать кровь его сердца для активации массива. Но раз уж он сам полез целоваться, пришлось использовать кровь с языка. Эффект тот же»

[Ну ты и кремень...]

«Хех. Я ни за что не пойду по пути позорной страсти между учителем и учеником»

Чэн Муюнь поднялся, и от легкого взмаха его руки в комнате зажглись светильники. Всё шло по плану: он оказался в своей прежней обители, за тысячу лет до трагических событий.

Он сделал всего пару шагов, как вдруг резкая боль пронзила грудь. Муюнь согнулся в приступе кашля, и на его ладони остались алые капли. Глядя на кровь, он тяжело вздохнул:

«Просчитался. Забыл, что в это время мне нельзя использовать духовную энергию»

Сейчас он был тем самым «немогущим наставником», чья кость Дао была разрушена проклятием. В этом мире иллюзий всё было пугающе реальным.

[Ты себя не жалеешь. Теперь расскажешь, в чем твой план?]

«Всё просто. Хэ Юань должен пройти путь по оригинальному сценарию»

Муюнь тщательно прокрутил в голове детали сюжета, после чего достал ту самую жемчужину хранения образов и, приложив духовную силу, раздавил её в пыль. Снова горло обожгло сладостью крови, а сердце сжало тисками боли, но он обязан был уничтожить источник будущих бед.

В этом мире всё должно было пройти иначе. Никаких случайных записей безумия. Затем Чэн Муюнь прошел в кабинет. Он снял со стойки один из свитков и развернул его. На картине был запечатлен Хэ Юань. Простой портрет, но в каждом штрихе чувствовалась глубокая

привязанность автора, а каллиграфические строки внизу и вовсе не оставляли сомнений в его чувствах.

Муюнь отступил на пару шагов, критически осматривая работу:

— А я неплохо рисую. И в поэзии силен.

[...Даже если так, ты должен это уничтожить]

Помимо этого свитка, в кабинете были десятки других — и все с изображениями Хэ Юаня. Одной искры хватило бы, чтобы превратить их в пепел. Но Муюнь лишь аккуратно свернул картину и вернул её на место.

«Кто сказал, что я собираюсь их уничтожить?»

Система опешила:

[Ты не боишься, что всё опять пойдет прахом из-за этих улик?]

«Я в очередной раз убеждаюсь, что искусственный интеллект в этой конторе работает со сбоями, — Чэн Муюнь вздохнул. — Разве не в этом суть оригинального сюжета?»

«Хэ Юань находит эти портреты, осознает преступную страсть учителя и, охваченный ужасом, той же ночью сбегает из ордена. Именно тогда наши отношения и начинают рушиться»

[А... точно. Я и забыла]

«Я решил: в этой иллюзии — никакой самодеятельности. Всё строго по сценарию»

[Но зачем всё это?]

«Чтобы сокрушить его демонов. Есть один радикальный способ излечить Дао Бесстрастия: когда сердце не может найти покой, нужно уничтожить сам источник терзаний. Слышала выражение "убить жену, чтобы доказать Дао"? Мы с Хэ Юанем не супруги, но эффект будет таким же»

[Ты... ты что задумал?!]

«Ничего особенного, — Муюнь усмехнулся. — Хэ Юань просто должен пронзить меня мечом. Не волнуйся, если я буду вести себя строго по сюжету, он возненавидит меня до глубины души. А в финале я устрою нечто грандиозное, и он сам нанесет решающий удар»

[...]

Хотя логика в его словах была, Систему не покидало чувство, что всё это добром не кончится. Но Чэн Муюнь был полон уверенности. Предвкушая долгожданный рост шкалы прогресса, он чувствовал, как жизнь снова обретает смысл. В этой иллюзии он был хозяином, а Хэ Юань — лишь невольным участником. Муюнь не верил, что на этот раз что-то может пойти не так.

В этот момент снаружи раздался знакомый голос:

— Наставник, ваш ученик Хэ Юань просит дозволения войти.

«Пришел!»

Чэн Муюнь поправил одеяние и вышел навстречу.

Стояла глубокая ночь. Небо затянуло тучами, и лишь редкие звезды проглядывали сквозь завесу. У входа в пещеру, преклонив колени, замерла знакомая фигура. Когда Муюнь вышел, магический светильник над каменным сводом тускло загорелся.

— Почему ты вернулся так поздно? — мягко спросил он, опустив взгляд на ученика. — Что-то случилось?

Хэ Юань поднял голову:

— Наставник, я прошу вашей помощи.

Перед ним стоял совсем юный Хэ Юань. Хотя ростом он уже догнал взрослого мужчину, в чертах лица еще сквозила детская чистота, а взгляд, устремленный на Муюня, был полон искреннего обожания и преданности.

Чэн Муюнь остался доволен. Именно такими и должны быть отношения — без тени запретных мыслей.

— Говори, — кивнул он.

Хэ Юань вкратце изложил суть дела и снова низко поклонился:

— Наставник, Ло Цзю в тайном царстве спасла мне жизнь, заслонив собой. Её Пурпурная обитель разрушена, душа серьезно повреждена. Я умоляю вас спасти её!

Для восстановления Пурпурной обители требовался доступ к Десятитысячелетнему сталактитовому источнику ордена Тайсюань — только долгое лечение в его водах могло вернуть девушку к жизни. Но этот источник был великой ценностью, и даже лучшим ученикам требовалось огромное количество очков вклада, чтобы получить к нему доступ. О том, чтобы пустить туда чужака, не могло быть и речи.

В отчаянии юноша мог просить помощи только у учителя. Даосс-владыка Цзимин, его наставник, был верховным старейшиной ордена и обладал безграничным влиянием. Если он скажет слово — закон будет нарушен. С самого детства Муюнь оберегал Хэ Юаня и никогда не отказывал ему ни в одной просьбе. Ученик был уверен: как только он всё объяснит, наставник не останется в стороне.

— Поднимись, — произнес Муюнь, и сердце юноши радостно дрогнуло. — Где она сейчас?

— У боевого дяди Гэна на Пике Медицины, — быстро ответил он. — Наставник, позвольте мне проводить вас.

Муюнь не мог использовать полет, поэтому Хэ Юань поднял его на свой меч, и они устремились к Пику Медицины.

Хэ Юань верил: стоит наставнику появиться, и все проблемы будут решены, а долг перед Ло Цзю — уплачен. Он и представить не мог, что учитель лишь мельком взглянет на раненую девушку, а затем... немедленно призовет старейшину Зала Правосудия.

Ученик стоял в стороне, подавленный аурой мастера, и беспомощно наблюдал, как ученики Зала Правосудия в черных одеждах уводят Ло Цзю. Его наставник за всё это время ни разу не посмотрел в его сторону.

Он не понимал — почему всё так обернулось?

<http://bllate.org/book/15360/1427242>